

RU

Образовательная деятельность подразделений Отдельного Кавказского корпуса в контексте политики по включению Кавказа в общеимперское пространство (первая половина XIX века)

Герман Р. Э.

Аннотация. Цель исследования – выявление сущности и специфики образовательной деятельности подразделений Отдельного Кавказского корпуса в системе деятельности российских властей по включению Кавказа в общеимперское пространство. В статье рассматривается образовательная деятельность и образовательная политика частей и подразделений российской армии, дислоцированных на Кавказе. Образование представителей горских народов рассматривалось российскими властями как один из инструментов распространения российской власти в кавказском регионе через трансляцию общеимперских ценностей. Попутно осуществлялась подготовка кадров для армии и сферы регионального управления. Научная новизна исследования состоит в том, что в качестве субъектов образовательной деятельности выступают в первую очередь воинские подразделения, являвшиеся организаторами образовательных учреждений; образовательная деятельность рассмотрена в системе взаимоотношений российских властей с местными народами на фоне Кавказской войны. В результате исследования установлено, что школы для местного населения сыграли значимую роль в приобщении горских народов Северного Кавказа к русской культуре и образованию, способствуя формированию первых поколений национальной интеллигенции и укреплению взаимопонимания между Россией и Кавказом. Образовательная деятельность стала одной из технологий не только укрепления российской власти в кавказском регионе, но и включения его в цивилизационное пространство Российской империи.

EN

Educational activities of the Separate Caucasus Corps in the context of the policy of integrating the Caucasus into the common imperial space (first half of the 19th century)

R. E. German

Abstract. The aim of the research is to reveal the essence and specificity of the educational activities of the Separate Caucasus Corps within the framework of Russian authorities' efforts to integrate the Caucasus into the common imperial space. The paper examines the educational activities and policies of units and subdivisions of the Russian army stationed in the Caucasus. Educating representatives of the mountain peoples was considered by the Russian authorities as one of the instruments for spreading Russian power in the Caucasus region through the transmission of common imperial values. Concurrently, personnel were being trained for the army and the regional administration. The scientific novelty of the research lies in the fact that military units, which acted as organizers of educational institutions, served as the primary subjects of educational activities. Educational activities are considered within the context of the relationship between Russian authorities and local peoples against the backdrop of the Caucasian War. As a result, it has been found that schools for the local population played a significant role in integrating the mountain peoples of the North Caucasus into Russian culture and education, contributing to the formation of the first generations of national intellectuals and strengthening mutual understanding between Russia and the Caucasus. Educational activities became one of the technologies not only for strengthening Russian power in the Caucasus region but also for integrating the region into the civilizational space of the Russian Empire.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена современными тенденциями в развитии исторической науки, проявляющимися в сосредоточении научного интереса на вопросах выявления и систематического

описания межкультурного взаимодействия, процессов трансляции ценностей и смыслов через систему образования и просвещения; также в современных условиях особо важно обратить внимание на историческую роль Российской империи в культурно-цивилизационном развитии национальных окраин, в том числе через образовательную деятельность.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть деятельность частей и подразделений Отдельного Кавказского корпуса как организаторов образовательной деятельности;
- определить историческую роль деятельности аманатских школ в процессе распространения российской власти на Кавказе и трансляции общеимперских ценностей;
- показать историческую роль образовательных учреждений на Кавказе в процессе подготовки квалифицированных кадров для сферы управления регионом и армейских подразделений.

Материалом для исследования послужили нормативные акты регионального масштаба и делопроизводственная переписка, а также воспоминания А. Фонвилля о заключительном этапе Кавказской войны:

- Фонвилль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863-1864 гг. Кавказские горы. К., 1991.

Кроме того, важные сведения о просвещении и образовании народов Кавказа содержатся в описании путешествия венгерского путешественника Яноша Бешше, более известного под именем Жан-Шарль де Бесс:

- Бесс Ж.-Ш. де. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг. / пер. с фр. И. С. Зевакиной // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.): сборник. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967.

Нормативные акты и делопроизводственная переписка содержатся в Актах, собранных Кавказской археографической комиссией (АКАК), а также в архивных материалах, представленных в двух региональных архивохранилищах – Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК) и Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК):

- АКАК. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1881. Т. VIII.
- АКАК. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1904. Т. XII.
- ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 987.
- ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1713; Д. 1746; Д. 1787.
- ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1003.
- ГАСК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 76.
- ГАСК. Ф. 73. Оп. 2. Д. 255.

Теоретическую базу исследования составляют работы в области истории Кавказа и его отдельных народов (Покровский, 1989; Блиев, 2004), интеграции кавказского региона в цивилизационное пространство Российской империи (Шнайдер, 2005), а также труды по истории образования и просвещения на Кавказе (Хашегульгов, Сагаев, 2008; Айларова, 1990; 2003; Краснов, 1913; Кошев, 1991).

Для проведения исследования образовательной деятельности подразделений Отдельного Кавказского корпуса в контексте политики по включению Кавказа в общеимперское пространство в данной статье применяются историко-генетический метод, позволивший рассмотреть процесс исторической эволюции образовательной деятельности армейских подразделений на Кавказе, и историко-системный метод, благодаря которому деятельность образовательных учреждений изучается в системной взаимосвязи с военно-политической историей региона, в частности событиями, явлениями и процессами Кавказской войны.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов при разработке и чтении теоретических и практических курсов, посвященных вопросам истории Кавказа и его отдельных народов и территорий, истории российской армии, истории образования и просвещения, истории межкультурного взаимодействия России с населением национальных окраин.

Обсуждение и результаты

В данной работе мы рассмотрим развитие образовательной системы на Северном Кавказе в первой половине XIX века. Как свидетельствуют исторические источники, в этот период в регионе активно открывались различные учебные заведения, призванные обучать местное население и детей российских военных и чиновников.

Участие российских военнослужащих в просвещении и образовании народов Северного Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX в. стало важным явлением в истории деятельности российской армии в этом регионе Российской империи. Как отмечал А. Фонвилль, воевавший на стороне горцев, наиболее эффективным методом сглаживания этнических противоречий среди народов Кавказа выступало «насаждение образования в их среде» (1991, с. 82). Именно этим и занимались представители российской администрации в обозначенный период.

Необходимость создания в регионе образовательных учреждений, где могли бы обучаться как дети русских, так и местных жителей Северного Кавказа, диктовалась нуждой в образованных кадрах для государственной службы. Российские власти предпринимали активные усилия по распространению просвещения среди населения этой части империи, видя в образовании действенный инструмент интеграции северокавказских народов в общеимперское культурное и социально-политическое пространство.

Можно заключить, что деятельность российских военных по созданию системы образования на Северном Кавказе в рассматриваемый период стала важной составляющей политики России в этом регионе. Она была

направлена на культурное сближение местного населения с русским народом и преодоление взаимной отчужденности и враждебности между ними путем приобщения северокавказцев к достижениям русской и европейской культуры и науки.

В аманатских школах, возникших в первой половине XIX столетия в различных крепостях Северного Кавказа, таких как Прохладная, Владикавказ, Нальчик и другие, молодые горцы получали начальное образование, включавшее изучение русского языка, математики и истории. Эти учебные заведения открывали для представителей горских народов возможность продолжить обучение в ведущих университетах и институтах Российской империи. Как следствие, среди горцев появились свои собственные просветители и интеллектуалы, к числу которых относились кабардинцы Атажукин и Ногмов, черкесы Казы-Гирей и Хан-Гирей, осетины Жускаев и Цораев и другие видные деятели. Примечательна судьба ингушского просветителя Чаха Ахриева, который, будучи семилетним аманатом, получил начальное образование во Владикавказской школе кантонистов в период с 1857 по 1862 год, а затем успешно поступил в гимназию города Ставрополя для дальнейшего обучения (Хашегульгов, Сагаев, 2008, с. 41). Многие из детей горцев, побывавших в статусе аманатов, впоследствии достигали значительных высот, становясь офицерами российской армии и высокообразованными людьми своего времени.

Ярким примером такого жизненного пути является биография ногайского генерал-майора Д. В. Тоганова, занимавшего пост коменданта Моздока с 1781 по 1798 год. В своих воспоминаниях он писал о периоде пребывания в статусе аманата в крепости Кизляр, откуда он был направлен в Санкт-Петербург в Государственную коллегию иностранных дел. По собственному желанию воспитанник крестился и был принят в кадетский корпус, по окончании которого получил чин поручика (Кавказ в сердце России, 2000, с. 139-140).

Институт аманатства и созданные при крепостях школы сыграли значимую роль в приобщении горских народов Северного Кавказа к русской культуре и образованию, способствуя формированию первых поколений национальной интеллигенции и укреплению взаимопонимания между Россией и Кавказом.

В истории взаимоотношений России и Кавказа в XIX веке примечательна судьба одного из сыновей имама Шамиля – Джемал-эд-Дина. Будучи аманатом, он получил блестящее образование в престижном Пажемском корпусе в Санкт-Петербурге. Уже в юном двадцатилетнем возрасте Джемал-эд-Дин дослужился до чина поручика в одном из уланских полков русской армии.

Воспитанный в лучших традициях русского офицерства, Джемал-эд-Дин был возвращен своему отцу Шамилю в рамках обмена на захваченных в Цинандали княгинь из знатных грузинских родов Орбелиани и Чавчавадзе. Оказавшись среди своих соплеменников, он стал своеобразным «переводчиком» между двумя мирами – русским и горским.

Джемал-эд-Дин приложил немало усилий, чтобы донести до Шамиля и его ближайшего окружения истинные мотивы и цели политики России на Кавказе. Однако подобная позиция вызвала непонимание и неприятие среди части сородичей молодого офицера (Россия и Кавказ..., 2001, с. 86).

Привлечение представителей коренного населения Кавказа к обучению в российских учебных заведениях находилось в сфере постоянного внимания со стороны высшего военного руководства в регионе. Так, командующий войсками на Кавказской линии генерал-майор Карл Федорович Сталь выступил инициатором практики направления осетинских аманатов, содержащихся в Георгиевске, на обучение русской грамоте и другим базовым наукам. Образовательные инициативы Сталя заложили основу для дальнейшей культурной и языковой интеграции народов Кавказа в состав Российского государства (ГАСК, ф. 15, оп. 1, д. 76, л. 1-2).

В первой половине XIX века выпускники аманатских школ, находящихся на Северном Кавказе, продолжали свое обучение в военных учебных заведениях, расположенных в столице Российской империи. Именно эти учебные заведения стали *alma mater* для первых представителей северокавказской интеллигенции, сыгравших значительную роль в распространении просвещения среди местного населения, в том числе посредством преподавания в тех же аманатских школах, которые они когда-то окончили (Айларова, 1990, с. 62).

В 1829 году венгерский путешественник Янош Бешше, также известный как Жан-Шарль де Бесс, посетил Нальчик и оставил ценные свидетельства о достижениях Ш. Ногмова в сфере образования местного населения. По словам де Бесса, комендант Нальчикской крепости представил ему группу из семнадцати мальчиков тринадцати-четырнадцати лет, происходивших из семей старшин различных северокавказских народов – карачаевцев, кабардинцев, дигорцев и других. Эти подростки обучались в школе, построенной российским правительством на казенные средства. Образование для учеников было бесплатным и осуществлялось под руководством учителя-мусульманина и надзором коменданта. Программа обучения включала чтение, письмо и разговорный русский язык (Бесс, 1967, с. 130-131).

Итак, свидетельство венгерского путешественника Яноша Бешше является ценным источником, подтверждающим успехи образовательной деятельности России на Кавказе в конце 1820-х годов. Нальчикская школа, организованная при поддержке российских властей, не только давала местным детям знание русского языка и приобщала к европейской культуре, но и способствовала изменению их представлений и установок в отношении русских. При этом школа с уважением относилась к религиозным чувствам учеников-мусульман. Первые шаги в развитии светского образования стали важной вехой в культурном сближении народов Северного Кавказа с Россией.

Одной из первых школ, созданных на Северном Кавказе, была школа, в которой кабардинские дети обучались таким предметам, как арифметика и русский язык. Тем не менее данное учебное заведение не могло в полной мере удовлетворить потребность местного населения в образовании, в связи с чем кабардинцы неоднократно обращались к российским властям с ходатайствами об открытии дополнительных школ.

Начиная с 1803 года на территории Северного Кавказа, как и в остальных частях Российской империи, начался процесс учреждения гимназий и училищ (Краснов, 1913, с. 17). Каждый полк должен был создать собственную школу при штабе части, где детей обучали грамоте и письму. Что касается Дагестана, то здесь в 1835 году в Дербенте и в 1837 году в Темир-Хан-Шуре были открыты светские школы, предназначенные как для детей российских военнослужащих и госслужащих, так и для представителей различных слоев коренного населения.

Можно констатировать, что в первой половине XIX столетия российские власти предпринимали активные усилия по развитию образования на Северном Кавказе, создавая разнообразные школы и училища, призванные приобщить местное население к русской культуре и подготовить кадры для службы в императорской армии и административном аппарате. Данная политика, несмотря на определенные трудности и противоречия, в целом способствовала постепенной интеграции региона в общеимперское пространство.

В 1836 году главнокомандующий войсками на Кавказе генерал-адъютант барон Григорий Владимирович Розен инициировал процесс учреждения новых образовательных учреждений при воинских частях Отдельного Кавказского корпуса (Кошев, 1991, с. 16). Согласно установленным нормам, на каждый батальон приходилось по 10 воспитанников, а в Нижегородском драгунском полку их количество достигало 14 человек (АКАК, 1881, т. VIII, с. 382).

Включение детей горцев в образовательные учреждения различных частей региона являлось одним из ключевых инструментов интеграции Северного Кавказа в культурное пространство Российской империи (ГАКК, ф. 261, оп. 1, д. 1003, л. 76 – 76 об.; ГАСК, ф. 73, оп. 2, д. 255, л. 3 – 3 об.). При этом особое внимание уделялось детям из знатных горских семей. Однако, как подчеркивал Г. В. Новицкий, «среди простого народа стремление к просвещению проявляется более отчетливо, нежели среди аристократии» (Цит. по: Айларова, 2003, с. 44).

В 40-х годах XIX столетия учебные заведения начали функционировать также и в крепостях, расположенных вдоль Черноморского побережья. Так, в 1842 году в Анапе, в доме муллы, под патронажем коменданта крепости, обучались черкесские дети (Блиев, 2004, с. 683). В период с 1844 по 1846 год школы для детей местных жителей были открыты в крепостях Новороссийск и Бомборы.

В середине XIX века на Северо-Западном Кавказе, в частности в Новороссийске, функционировала так называемая «азиатская» школа, предназначенная для обучения детей горцев. По свидетельству директора данного учебного заведения, ученики, происходившие из семей незнатного происхождения, демонстрировали значительные успехи в освоении учебной программы, рассчитанной на четырехлетний срок (Шнайдер, 2005, с. 130).

Возраст окончания школы для детей северокавказских горцев был установлен в 16 лет, однако данный порог носил скорее условный характер, поскольку у учащихся зачастую отсутствовали метрические свидетельства, позволявшие точно установить дату рождения (ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 1746, л. 3 – 3 об.). Примечателен случай, описанный в рапорте коменданта Новороссийской крепости, к которому обратился натухаец из Пшау Куи Бекъек с просьбой о зачислении в «азиатскую» школу его малолетнего сына Исака, чей возраст составлял приблизительно 9 лет (ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 1713, л. 43). Подобные прецеденты не были редкостью, поскольку дети горцев, принятые на воспитание в такие школы, находились на полном государственном обеспечении, что существенно облегчало материальное положение их семей. Кроме того, по распоряжению главнокомандующего генерал-адъютанта М. С. Воронцова в школу принимались также осиротевшие черкесские дети и дети военнослужащих северокавказского происхождения (ГАКК, ф. 254, оп. 1, д. 987, л. 29).

Таким образом, «азиатская» школа в Новороссийске являлась важным образовательным учреждением, способствовавшим приобщению детей горцев Северо-Западного Кавказа к русской культуре и образованию. Несмотря на значительные расходы, военная администрация придавала большое значение деятельности подобных школ, рассматривая их как эффективный инструмент интеграции горского населения в состав Российской империи.

Воспитанники Новороссийской азиатской школы, завершив свое обучение, имели возможность выбрать дальнейший жизненный путь. Большинство из них поступали на службу в полки Российской империи, располагавшиеся за пределами кавказского региона (Покровский, 1989, с. 175). Однако имелись и исключения, продиктованные личными обстоятельствами. Так, в 1854 году отец одного из учеников, Пцяшке, обратился с просьбой отпустить сына домой, поскольку других наследников у него не было. Данная просьба была удовлетворена руководством школы (ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 1746, л. 3 об.).

Некоторые выпускники Новороссийской азиатской школы оставались служить на Кавказе, в том числе в качестве переводчиков. Об этом свидетельствует рапорт анапского коменданта подполковника Ознобишина, адресованный начальнику 1-го отделения Черноморской береговой линии. В документе сообщается о желании бывших учеников школы, Хастемира Кюуха и Османа Удиухо, вступить в ряды кавалерийских полков действующей армии (ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 1746, л. 5). Несмотря на отсутствие официального распределения, молодые люди, движимые чувством благодарности за полученное образование, стремились принять участие в боевых действиях того периода (ГАКК, ф. 254, оп. 1, д. 987, л. 29).

Следует отметить, что среди воспитанников Новороссийской азиатской школы были представители не только простых горских семей, но и знатных родов. Последние по окончании обучения имели возможность продолжить образование в престижных столичных военно-учебных заведениях. Многие горцы, окончившие военные школы и получившие офицерские звания, впоследствии проходили службу на территории Кавказа (ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 1787, л. 1-2), внося свой вклад в поддержание стабильности и порядка в этом регионе Российской империи.

Правительство неукоснительно придерживалось принципа сословности в сфере военного образования. Это выражалось в том, что дети незнатного происхождения не принимались в кадетские корпуса, заслуги

их родителей не учитывались. Воспитанники корпуса, достигнув 16-летнего возраста, поступали из школы непосредственно на действительную службу (ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 1713, л. 74 – 74 об.).

В историческом контексте Кавказского региона середины XIX века нередки были случаи, когда представители коренного населения, в частности выходцы из горских общин, стремились получить образование в престижных военных учебных заведениях столицы Российской империи. Однако в силу определенных обстоятельств и ограничений, налагаемых на данную категорию учащихся, порой возникали ситуации, приводившие к бегству этих молодых людей в родные края.

Примером подобного инцидента может служить рапорт, адресованный капитану Балаклавского грендерского пехотного батальона Васильеву, в котором сообщалось о таинственном исчезновении пятнадцатилетнего воспитанника из числа горцев по имени Тугуз Тамтль. Согласно документу, юноша, получив увольнительную в ночь с 9 на 10 ноября 1853 года с целью навестить своего больного брата, проходившего службу в 1-й сотне 2-го Донского казачьего полка, пропал без вести.

Товарищи беглеца, обучавшиеся в Новороссийской азиатской школе, выдвинули предположение, что причиной побега их соученика стало решение руководства не направлять его для продолжения образования в один из кадетских корпусов. Тем не менее вскоре выяснилось, что беглый воспитанник нашел пристанище в ауле Худако, у некоего горца по имени Деди, и, передумав, изъявил желание вернуться в школу для продолжения учебы.

Рассмотренный случай иллюстрирует сложность и неоднозначность процессов интеграции представителей горских народов в образовательную систему Российской империи в указанный исторический период, а также свидетельствует о стремлении властей контролировать и регулировать данные процессы во избежание нежелательных последствий.

В соответствии с распоряжением вице-адмирала Л. М. Серебрякова, в Новороссийскую азиатскую школу допускались к обучению дети недворянского сословия, достигшие возраста 12 лет и старше. По истечении четырехлетнего периода обучения выпускники данного учебного заведения, которые в силу своего простого происхождения не имели возможности продолжить образование в кадетских корпусах, зачастую направлялись для прохождения службы в воинские подразделения Российской империи (ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 1713, л. 74 - 74 об.).

Следовательно, возможность получения образования в Новороссийской азиатской школе, равно как и в иных местных военно-учебных заведениях, предоставлялась не только отпрыскам представителей местной аристократии, но и детям простых горцев, несмотря на общий подход, нацеленный на сохранение принципа сословности в образовании. На содержание воспитанников направлялись средства из государственного бюджета, что существенно облегчало для горского населения доступ к образованию.

В 50-х годах XIX столетия, согласно распоряжению недавно назначенного на должность наместника Кавказа князя Александра Ивановича Барятинского, на территории региона начался процесс постепенной трансформации системы образовательных учреждений. Военно-учебные заведения для подготовки молодых воспитанников, функционировавшие ранее, стали постепенно заменяться школами нового типа, ориентированными на обучение детей местного горского населения (АКАК, 1904, т. XII, с. 657). Данные образовательные учреждения, получившие название горских школ, были призваны обеспечить доступ к получению начального образования для представителей коренных народностей Кавказа, способствуя тем самым их приобщению к русской культуре и интеграции в единое имперское пространство. Образовательная реформа, инициированная князем Барятинским, знаменовала собой важный этап в развитии просвещения на Кавказе и заложила основы для формирования новой системы школьного обучения в регионе.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, мы приходим к следующим выводам. Благодаря деятельности российских военных властей по организации деятельности образовательных учреждений народы Кавказа получили возможность для образования, а кавказский регион – постоянно действующую систему подготовки квалифицированных кадров, напрямую заинтересованных в развитии региона. Школы, созданные при крепостях, частях и подразделениях Отдельного Кавказского корпуса, сыграли свою роль в интеграции кавказского региона в цивилизационное пространство Российской империи, трансляции общеимперских ценностей среди представителей народов Кавказа.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать расширение масштабов исследования на всю южную часть Российской империи, более детальное изучение биографий выходцев из образовательных учреждений Кавказа в рамках методологии исторической антропологии и исторической биографии, а также истории инкорпорации инородческих элит в состав дворянства Российской империи.

Источники | References

1. Айларова С. А. О военной просветительской интеллигенции Северного Кавказа XIX в. // Истоки и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом (формы, характер, исторические последствия): материалы региональной конференции. Грозный, 1990.
2. Айларова С. А. Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке: культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ, 2003.

3. Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа: на пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004.
4. Кавказ в сердце России / ред.: В. И. Десятерик, В. В. Дементьев. М., 2000.
5. Кошев М. А. Из истории просвещения горцев Северного Кавказа в XIX – начале XX века. Нальчик, 1991.
6. Краснов М. Д. Просветители Кавказа // Труды Ставропольской учёной архивной комиссии. Ставрополь, 1913.
7. Покровский М. В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века. Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989.
8. Россия и Кавказ – сквозь два столетия / отв. ред. Г. Г. Лисицына, Я. И. Гордин. СПб., 2001.
9. Хашегульгов Б. В., Сагаев Р. Л. «Он любил свой народ...» // Приязни добрые плоды / под ред. В. Б. Виноградова, С. Н. Лукаша. Армавир, 2008.
10. Шнайдер В. Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. М., 2005.

Информация об авторах | Author information

RU**Герман Роман Эдуардович¹**, к. ист. н., доц.¹ Технологический институт сервиса (филиал)

Донского государственного технического университета в г. Ставрополе;

Ставропольский филиал Краснодарского университета

Министерства внутренних дел Российской Федерации

EN**Roman Eduardovich German¹**, PhD¹ Technological Institute of Service (branch) of the Don State Technical University in Stavropol;

Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

¹ romger@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.07.2024; опубликовано online (published online): 26.08.2024.

Ключевые слова (keywords): образовательная деятельность; Отдельный Кавказский корпус; просвещение; народы Кавказа; учебные заведения; educational activities; Separate Caucasus Corps; enlightenment; peoples of the Caucasus; educational institutions.